

Ирина Михайловна Комарова
Покойная жена бывшего мужа
Серия «Опасные удовольствия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088962
Покойная жена бывшего мужа: Центрполиграф; М.:; 2013
ISBN 978-5-227-04504-1

Аннотация

В детективное агентство «Шиповник» обратилась Елизавета Петровна Перевозчикова. Она утверждала, что ее обвиняют в убийстве женщины, с которой она даже незнакома... Хотя сказать, что «убийцу» и жертву ничто не связывало, было нельзя. Убитая Наталья Денисовна Перевозчикова являлась второй женой Олега Борисовича Перевозчикова, а Елизавета Петровна – его первой супругой. Полиция считала, что доказательств виновности бывшей жены в преступлении против покойной вполне достаточно и нет смысла подозревать кого-то еще. Дело казалось таким очевидным, что Рита Роцина, сотрудница «Шиповника», поначалу даже приуныла...

Содержание

* * *	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирина Комарова

Покойная жена бывшего мужа

* * *

Утро можно было считать удачным. Я проснулась раньше Маринки и успела первой заскочить в ванную комнату, что сэкономило мне массу времени – сестренка моя умудряется простое умывание растянуть на полчаса. А уж если процесс сопровождается какими-то дополнительными косметическими процедурами, то проще не ждать, пока она закончит, а почистить зубы на кухне. И позавтракала я быстро, даже с учетом того, что папа попросил меня сварить какао. Несколько лет назад мама приняла решение, что я варю какао лучше всех, и убедила в этом не только себя, но и папу и, кажется, даже Маринку. Хотя я-то знаю, что это всего лишь педагогический прием из богатого арсенала моей матушки. Она уверена, что таким образом прививает мне любовь к домашней работе вообще и к кулинарии в частности. Из уважения к маме я не пытаюсь рассеять ее иллюзии. На самом деле если говорить о кулинарии, то какао остается моим наивысшим достижением. Конечно, я могу сделать яичницу, пожарить картошку и даже сварить простенький супчик, но заниматься всем этим мне неинтересно. На кухне у нас одна хозяйка – мама, и мне достаточно того, что я в состоянии разогреть приготовленную ею еду. А прочая домашняя работа тем более никогда не вызвала у меня энтузиазма. Другое дело, что от нее все равно никуда не денешься. Как говорит моя прагматичная сестрица: «Духовности полный дом, а полы все равно мыть надо».

Поскольку дресс-код правилами нашего агентства не предусматривается, я позволяю себе ходить на работу в джинсах и водолазке. Сегодня, изучив показания уличного термометра, я надела под джинсы колготки (новенькие, без единой дырочки – вот оно, сверхтранжирство!) и достала из шкафа теплый свитер – если придется бегать по городу, моего потерятого пуховичка будет явно недостаточно.

Когда я в коридоре натягивала сапоги, из кухни донеслись переливы хорошо поставленного учительского голоса – мама обнаружила, что младшая ее дочь собралась в консерваторию в короткой юбочке и тонких колготках. Лекция о том, как молодая девушка должна одеваться зимой, если не хочет приобрести две дюжины самых неприятных болезней, началась мгновенно: наша мамочка в подготовке не нуждается. Так что из дома я улизнула тоже удачно, без контрольного осмотра. Нет, беспокоиться мне не о чем – в отличие от Маринки, я всегда предпочитаю не красоту и эффектность, а удобство и комфорт, поэтому утеплилась вполне качественно. Но мне не нравится сама идея подобного контроля. В конце концов, мне двадцать шесть лет, я самостоятельно зарабатываю себе на жизнь и вовсе не нуждаюсь в постоянном присмотре.

Прогревая мотор «москвича», я, в который уже раз, подивилась причудам судьбы. О чем я говорю? О своей работе, разумеется. Скоро год, как я младший оперативный сотрудник и младший партнер детективного агентства «Шиповник». Это я-то – педагог по призванию, девочка из учительской семьи, которой с седьмого класса прочили благородную стезю сеятеля разумного, доброго и вечного! После окончания пединститута (с красным дипломом, естественно) я четыре года отработала в школе. За это время я успела получить пачку грамот и благодарностей, поучаствовала в конкурсе «Учитель года» и аттестовалась на высшую категорию. Неплохо для начинающего педагога, как вы считаете? Казалось, впереди – безоблачное будущее, любовь учеников, уважение коллег, профессиональный рост... Увы. То, что директор нашей школы воровала, знали все, но только у меня хватило наивности открыть рот. Борьба за справедливость закончилась быстро – я вылетела из школы с таким

треском, что еще пару недель не могла опомниться. А потом в моей жизни появился Александр Сергеевич Баринов – руководитель агентства «Шиповник», и я, неожиданно для себя, превратилась в детектива. Первое время мне приходилось трудновато, слишком далека была вся моя жизнь от подобной работы. Потом ничего, привыкла. А сейчас, честно говоря, уже и не представляю себе ничего другого.

Моим напарником, наставником и лучшим другом стал Гоша, старший оперативник Георгий Александрович Брынъ – два метра обаяния, профессионализма и восхитительного жизнелюбия. Четвертый член нашей дружной команды – Нина. Оперативной работой она не занимается, ей других дел хватает. Формально Ниночка числится секретарем-референтом, но, кроме этого, на ней еще и бухгалтерия, и отдел кадров, и сопровождение базы данных, которая, по общему признанию, не уступает по своей полноте базе областного управления.

Детективное агентство «Шиповник» имеет устойчиво-хорошую репутацию, хотя мы и не можем похвастаться клиентами-миллиардерами или какими-нибудь звездными знаменитостями. Но сидеть без работы нам тоже не приходится, а это в наше непростое время уже хорошо.

Вот и сегодня нас ожидает знакомство с новой клиенткой. Некая Елизавета Петровна Перевозчикова вчера позвонила и договорилась о встрече. Причем специально уточнила: «Ровно в десять, пожалуйста». Гошка не пришел в восторг от этого «ровно в десять».

– А если мы примем ее ровно в пять минут одиннадцатого, от этого что-то изменится? – сварливо поинтересовался он.

– Какая тебе разница? – немного удивился шеф. – Все равно мы в десять уже на месте, пусть приходит. Лишь бы сама не опаздывала.

– Не опоздает, – заверила Ниночка. – Елизавета Петровна работает в администрации губернатора, и время у нее расписано по минутам. На беседу с нами она смогла выделить только тридцать минут: с десяти часов ровно до десяти тридцати. – Нина, изображая потенциальную клиентку, поджала губы, бросила на Гошку неодобрительный взгляд, потом точно так же посмотрела на меня и произнесла довольно низким, но на удивление лишенным обертонов и оттого неприятным голосом: – Надеюсь, мы сможем оговорить все детали за полчаса. В одиннадцать у меня совещание.

– Понятно. – Гошка поскреб плохо выбритый подбородок. – Дамочка деловая и вся из себя поклонница дисциплины. Ох, чует мое сердце, намучаемся мы с ней.

– Почему намучаемся? – Я достаточно хорошо знала напарника, чтобы уловить направление его мыслей. – Если эта Перевозчикова такая деловая и дисциплинированная, значит, с оплатой тянуть не станет.

– Ага, не станет, заплатит все до копейки. Только сначала она очень тщательно проверит все отчеты и все наши расходы по делу.

– Пусть проверяет, – не испугалась я. – Мы же не мухлюем.

– Это мы знаем, что не мухлюем, – поддержала Гошку Ниночка. – А если каждую цифру под микроскопом изучать, всегда могут вопросы возникнуть.

– Мадам Кулиничева тоже вся такая деловая была, – с отвращением вспомнил напарник. – И за копейку удавиться была готова.

– С Кулиничевой мы без проблем деньги взяли, – возразил справедливый Александр Сергеевич.

– Только потому, что ее в убийстве обвинили! Вот она с перепугу и заплатила. Кстати, Ниночка, с какой печалью к нам Елизавета Петровна пожалует?

– На эту тему госпожа Перевозчикова говорить отказалась, она позвонила только для того, чтобы условиться о встрече. – Наш секретарь-референт загадочно улыбнулась.

– Но ты же все выяснила! – Гоша был убежден, что Ниночке известно все. А то, что пока неизвестно, она в кратчайшие сроки узнает со всеми подробностями по «личным каналам». – Радость моя, не томи!

– Тебе понравится, – снова улыбнулась Нина. – Елизавету Петровну подозревают в убийстве.

Перевозчикова явилась в офис без одной минуты десять. Я как раз была в приемной, наливала воду в чайник. Люди, которые к нам приходят, часто не могут внятно сформулировать, что им, собственно, нужно. Это понятно – обращение в детективное агентство – событие не рядовое и требует напряжения душевных сил. Рядовой клиент, как правило, долго собирается, обдумывает, советуется, снова обдумывает... Наконец приходит к нам, но, переступив порог офиса, теряется – слишком много усилий потрачено на принятие решения. Тогда Александр Сергеевич принимает вид доброго дядюшки (эту роль он исполняет мастерски) и предлагает выпить чашечку чая. Чай мы держим на все вкусы – и черный, и зеленый, и цветочный, с ароматическими добавками и без, в пакетиках и классическую заварку, – вы просто не представляете, до чего привередливым становится человек, который только что, говоря о своих проблемах, двух слов не мог связать. Но, получив чашечку заваренного по всем правилам каркаде или молочного улуна, даже самые нервные клиенты расслабляются и делаются, по выражению моего не отличающегося деликатностью напарника, «годными к употреблению».

Что интересно, любители кофе никаких изысков, как правило, не требуют – для них мы держим простой растворимый. Правда, двух видов – с кофеином и без кофеина.

В общем, главное вы поняли: в ожидании потенциальной клиентки я решила позаботиться о кипятке. Но как только она вошла в приемную, я поняла, что могла и не трудиться. Эту женщину приводить в рабочее состояние, отпаивая чаем, не придется.

Елизавета Петровна аккуратно прикрыта за собой дверь, бросила на меня короткий безразличный взгляд, сделала несколько шагов и остановилась напротив стола Ниночки.

– Добрый день. У меня назначена встреча с Александром Сергеевичем Бариновым, – строго объявила она. Женщина-руководитель, сразу видно.

– Добрый день. – Нина вежливо поднялась и указала на кабинет шефа. – Александр Сергеевич вас ждет.

– Где можно снять пальто?

– Здесь, пожалуйста. Гоша!

Напарник, появившийся на пороге нашей комнаты, как только услышал голоса в приемной, мягким кошачьим движением скользнул к клиентке и ловко принял длинное драповое пальто с воротником из роскошной чернобурки. Оставшись в жемчужно-сером костюме строгого английского покроя, Перевозчикова поправила прическу и, не задерживаясь больше, прошла в кабинет. Я оставила в покое чайник и скользнула следом, а за мной, передав пальто Ниночке, чтобы та пристроила его на плечики и убрала в шкаф, неторопливо последовал Гоша.

Вчера Нина довольно удачно скопировала голос Елизаветы Петровны – невыразительный и сухой. И губы, хотя Ниночка никак не могла их видеть по телефону, были поджаты точно так же. Вообще, Перевозчикова произвела на меня странное впечатление. Красивая женщина. Хотя она явно перешагнула пятидесятилетний рубеж, Елизавета Петровна – подтянутая, ухоженная, с безупречной прической и аккуратно выполненным неброским макияжем – была именно красива. Но... как бы вам объяснить? Знаете, есть такой тип – «строгая красавица»? Вот, это как раз про Перевозчикову, причем с ударением на первом слове. В седьмом классе была у нас учительница географии – помоложе, правда, лет тридцати, не больше, но такая же красивая и такая же холодная и деловая. Помню, я ее немного побаи-

валась. Впрочем, учительница она была справедливая и оценки не занижала – свою честно заработанную пятерку за год я тогда получила.

Прежде чем мы с Гошей заняли привычные места, Александр Сергеевич коротко представил нас. Елизавета Петровна еще раз, более внимательно, посмотрела на меня, потратила несколько секунд на изучение Гошкиной физиономии, коротко кивнула и снова повернулась к Баринову:

– Я вчера не сочла нужным обсуждать подробности – это не телефонный разговор. Дело в том, что я оказалась замешана в крайне неприятную историю. Это, конечно, абсолютная нелепость, но... в общем, меня подозревают в убийстве.

– Действительно неприятно, – согласился шеф, поскольку Перевозчикова сделала паузу, ожидая его реакции. – Для подозрения есть какие-то основания?

– Основания... – Она поморщилась и стряхнула ладонью невидимую соринку с юбки. Нелепое, невероятное стечение обстоятельств, вот и все основания.

Ниночка вчера изложила нам краткое содержание этой истории, но, сами понимаете, продемонстрировать свою осведомленность Александр Сергеевич не стал. Он пробормотал что-то неопределенно-сочувственное и умолк, ожидая, когда Елизавета Петровна перейдет к сути дела.

– Неделю назад была убита молодая женщина, – правильно поняла шефа клиентка. – Некая Наташа. В последний год – Наталья Денисовна Перевозчикова. Муж ушел от меня... Я понимаю, что формально у полиции есть основания меня подозревать. Но я не понимаю... – строгая маска неожиданно исчезла, и я увидела обычную растерянную женщину, – я не понимаю, как это вообще возможно – заподозрить меня в убийстве? Это же полный абсурд!

– Извините, Елизавета Петровна, – мягко объяснил шеф, – поскольку вы могли испытывать недобрые чувства к покойной, было естественно включить вас в круг подозреваемых.

– Если бы – в круг! Я не в числе прочих, я – основная, главная подозреваемая!

– Только потому, что муж ушел от вас к этой Наташе? В таком случае я с вами согласен – это абсурд. Необходимы более серьезные основания.

Елизавета Петровна снова превратилась в Снежную королеву.

– По мнению следователя, основания существуют. Она умерла, приняв большую дозу мышьяка. И перед смертью обвинила меня. Сказала, что это именно я ее отравила.

Новость была неожиданной – Нина не успела вчера выяснить все подробности. Физиономия Гошки на мгновение стала озабоченной, а шеф нахмурился:

– Даже так? Предсмертное признание – это, скажу я вам... действительно неприятная ситуация.

– Неприятная – не то слово! Мне докучают сотрудники полиции, их действия наносят ущерб моей репутации, и я не могу допустить, чтобы это продолжалось. Кроме того, я уверена: убийцу никто и не собирается искать – следователь занят тем, что пытается доказать мою вину. Поэтому я решила взять дело в свои руки. Я навела справки, и мне рекомендовали обратиться в «Шиповник». Пожалуйста, сделайте так, чтобы вся эта история поскорее закончилась.

– Вы хотите, чтобы мы нашли убийцу?

– Мне безразлично, что вы сделаете. Найдите убийцу, докажите, что она покончила с собой, подтвердите мое алиби – мне все равно. Главное – я должна получить возможность спокойно работать. Вы меня поняли?

– Мы постараемся, – деликатно заверил Александр Сергеевич. – Скажите, а как часто вы общались с новой женой вашего мужа?

– Никогда. – Елизавета Петровна слегка взмахнула рукой, словно отменяя саму возможность подобного общения. – Но именно в этот день, седьмого декабря, она ко мне приходила.

– Зачем? – Шефу удалось задать этот вопрос таким тоном, что сомнений не было: сам Александр Сергеевич считает поступок покойной Наташи по меньшей мере бестактным.

– Понятия не имею. Сказала, что хочет поговорить со мной по душам. Мне показалось, что она была не совсем трезва – она принесла бутылку джина, предлагала выпить, чтобы разговор лучше пошел. Естественно, я попросила ее уйти. – Перевозчикова снова стряхнула с юбки соринку. Интересно, это у нее нервная реакция или она просто не выносит даже малейшего беспорядка?

– И что дальше?

– Она ушла. А на следующий день ко мне явились из полиции. Следователь сказал, что она умерла от отравления мышьяком. Смертельная доза. Я не сразу поняла, что меня подозревают. – Судя по интонации, Елизавета Петровна до сих пор не могла окончательно поверить, что все это не дурной сон, что ее действительно подозревают в убийстве. – Иначе я обратилась бы к вам раньше.

– Кстати, кто ведет дело?

– Минуту. – Елизавета Петровна достала из сумочки визитку и протянула Баринову: – Вот. Майор Сухарев.

Шеф взял визитку, посмотрел на нее и вернул Перевозчиковой:

– Действительно, Евгений Васильевич.

Я осторожно покосилась на напарника. Гошка равнодушно уставился в окно, старательно демонстрируя, что эта новость его совершенно не интересует. Мне уже не раз приходилось общаться и даже работать вместе с Сухаревым, и я могу сказать, что ко мне майор относится вполне доброжелательно, даже с некоторой симпатией. С Бариновым у Евгения Васильевича полное взаимное уважение и деловое сотрудничество. А вот что касается Гоши... Не знаю, что за кошка пробежала между ними еще в те далекие времена, когда мой напарник вместе с Александром Сергеевичем и Ниночкой работал в милиции, но сейчас, когда Сухарев и Гошка, вынуждены встречаться, они даже разговаривать нормально не могут. Смотрят в разные стороны, чтобы, не дай бог, взглядом не встретиться, и общаются исключительно через третьих лиц. И для третьих лиц, я это сама прочувствовала, такая ситуация крайне неприятна.

Каюсь, пару раз, когда я оказывалась единственным связующим звеном между Гошкой и Сухаревым, у меня было огромное желание нахально исчезнуть и оставить их наедине – пусть как сумеют, так и выкручиваются. Впрочем, если бы у меня хватило храбрости так поступить, они, наверное, просто разошлись бы в разные углы и смотрели бы молча каждый на свою стенку до тех пор, пока в комнате снова не появился бы кто-то третий.

– Что ж, Евгений Васильевич – опытный и серьезный работник, – продолжил тем временем шеф.

– Вы так считаете? – слегка приподняла аккуратно прочерченные брови Елизавета Петровна. – На меня он произвел иное впечатление. В данный момент я больше рассчитываю на вас. И давайте не будем терять время. Очевидно, нам нужно заключить договор?

– Да. – Баринов открыл ящика стола. – Наши стандартные расценки...

– Стандартные расценки меня не интересуют. Я могу себе позволить оплатить и срочность, и качество работы. – Елизавета Петровна посмотрела на часы и поморщилась. – Извините, скоро у меня начинается совещание, а я не привыкла заставлять людей ждать. Давайте побыстрее закончим с формальностями, и каждый займется своим делом.

Мой напарник не устает повторять, что финансовые вопросы требуют интима, поэтому, как только речь зашла о подписании договора, мы с Гошей тактично покинули кабинет. Я сразу направилась к подоконнику, где расположилась наша мини-кухня, и включила чайник. Пока Александр Сергеевич с Елизаветой Петровной по всем вопросам договорятся, мы успеем и чайку попить, и новую клиентку обсудить.

– А вот интересно, вы обратили внимание, что Елизавета Петровна говорит «полиция», а не «милиция»? – спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь. – «У полиции есть основания меня подозревать...», «Ко мне явились из полиции...». Странно, правда?

– Согласно указу президента о переименовании органов правопорядка именно так и следует говорить. – Нина слегка сдвинула в сторону наушники, но пальцы ее продолжали порхать над клавиатурой компьютера (кроме аудиозаписи встречи с клиентом у нас ведется еще и протокол беседы. Это полезно для дальнейшей работы, да и взаимоотношения с клиентами не всегда бывают безоблачными, увы). – Ничего странного.

– Этот указ людям не указ! – неуклюже сострила я. – Ты сама сможешь такое выговорить: «Я в полиции десять лет отработала!»?

– Нет, – засмеялась Нина, – язык не повернется. И потом, мы все-таки в милиции трудились, это Володька Стрешнев у нас теперь господин полицейский!

– Вот он к нам и не заходит, боится, что вы, девочки, его задразните. – Гошка скорчил глупую физиономию и пропел противным голосом: – Айн, цвай, полицай!

– Нас он не боится, – возразила я. – Володя знает, кто его здесь дразнить будет. Но правда, когда Перевозчикова говорила, меня все время царапало – полиция, полиция... Первый раз слышу, что кто-то, кроме дикторов на телевидении и высоких чиновников, употребляет это слово.

– Елизавета Петровна и есть высокий государственный чиновник, – напомнил напарник. – В масштабе области, конечно, но все-таки на солидной должности.

Дверь кабинета Баринаова распахнулась – на этот раз интимные финансовые вопросы были решены на удивление быстро. То ли госпожа Перевозчикова действительно очень торопилась, то ли сложившаяся ситуация нервировала Елизавету Петровну больше, чем она хотела нам показать, но клиентка вышла в приемную еще до того, как чайник успел закипеть. Перевозчикова снова остановилась около стола Ниночки, но теперь сосредоточила внимание на мне:

– Я оставляю для вас пропуск на проходной. – Не дожидаясь моей реакции, она перевела взгляд на Гошу: – Думаю, что к двум часам я сумею освободить достаточно времени для подробного разговора. Пожалуйста, не опаздывайте.

– Мы будем вовремя. – Гоша сдержанно наклонил голову и достал из шкафа пальто с чернубуркой. – Разрешите вам помочь?

– Можно узнать, где мы будем вовремя? – поинтересовалась я, когда дверь за клиенткой закрылась. – И кто именно – мы?

– Мы с тобой, кто ж еще? А вовремя, то есть в два часа, мы будем в здании областной администрации, точнее, в кабинете госпожи Перевозчиковой. Очевидно, там и состоится разговор, в ходе которого мы узнаем все подробности этого странного дела.

– Задушевная беседа, – понимающе кивнула я.

Александр Сергеевич убежден в пользе таких разговоров с клиентами. И я это убеждение разделяю. Как правило, человек, приходящий в офис детективного агентства, слишком напряжен и озабочен, ему сложно сосредоточиться и рассказать о своих проблемах со всеми подробностями. А достаточно часто именно в этих подробностях, незначительных на первый взгляд мелочах скрываются кончики нитей, которые и позволяют распутать все дело. До моего появления в агентстве главным специалистом по задушевым беседам был Гошка, а теперь мы работаем в паре. То есть я вполне могу квалифицированно провести разговор одна, и неоднократно это успешно демонстрировала, но, когда мы с напарником работаем вместе, общий коэффициент полезного действия резко повышается. Правда, обычно мы беседуем с клиентом в привычно-расслабляющей домашней обстановке, а сегодня, получается, будет привычно-расслабляющая обстановка кабинета в областной администрации.

Или правильнее будет сказать – привычно-сдерживающая? В любом случае, судя по тому, как держится Елизавета Петровна, она чувствует себя чиновником в гораздо большей степени, чем женщиной.

– Ты что застыла? – подтолкнул меня в спину Гоша. – Шеф ждет.

– А? – Я очнулась. – Это я так, задумалась.

Мы вернулись в кабинет Барина и устроились на своих привычных местах. Ниночка так же привычно встала в дверях, прислонившись к косяку и постукивая карандашом по корешку рабочего блокнота.

– Ну, что скажете, молодежь? – традиционно начал совещание Баринов. Обычно первой, как самая младшая, высказываюсь я, но сегодня Александр Сергеевич решил нарушить все правила и продолжил сам: – Впрочем, не о чем пока говорить. Странная история, и я пока ничего не понимаю. Вот когда вы поговорите с Елизаветой Петровной, тогда, может... Когда вы встречаетесь?

– В два часа, – отрапортовал Гоша, – у нее в кабинете. Елизавета Петровна надеется, что сумеет выкроить достаточно времени для полноценной беседы.

– Тогда почему она сейчас к нам явилась? – спросила я. – Вот и приезжала бы в два часа.

– Она приехала сейчас, чтобы мы начинали работать сейчас, а не после двух. И для начала Елизавета Петровна рассказала нам достаточно, ты согласна?

– Для начала – да.

– Значит, мы можем приступить к делу. Ниночка, ты уже посмотрела данные, которые Перевозчикова оставила? Где работала покойная Наталья Денисовна?

– В банке «Аметист», в кредитном отделе. Там же, в совете директоров, трудится Олег Борисович Перевозчиков, ее супруг. Бывший муж нашей клиентки.

– Угу. Значит, вам, ребята, сейчас прямая дорога в банк «Аметист». Времени у вас достаточно, разузнайте там все, что можно. Нина, ты подбери информацию, все, что сможешь, по делу и обо всех фигурантах. Сама Перевозчикова, ее бывший муж, его новая жена, подруги новой жены, родственники. На банк справочку тоже сделай. В общем, ты знаешь, что нужно. А я загляну в управление, потолкую с Евгением Васильевичем.

– Думаете, он поделится информацией? – не удержалась я.

– Почему бы и нет? Сухарев мужик неглупый, он свою выгоду понимает.

Банк «Аметист» располагался в недавно выстроенном здании, стилизованном под старинный особняк: колонны, фронтоны, лепнина, карнизы и атланты вперемежку с кариатидами – я не большой знаток архитектуры, но, кажется, все перечисленные элементы здесь присутствовали. Особенно эффектно смотрелась красная черепичная крыша и частые вкрапления разноцветной облицовочной плитки на стенах. Наверное, любой архитектор при виде этого монстра немедленно скончался бы от инфаркта (кроме автора данного проекта, естественно... хотя кто сказал, что им был именно архитектор?), но, на мой обывательский взгляд, дом совсем не выглядел уродливым, скорее он вызывал улыбку своей наивной напыщенностью.

– Мы на месте, – сообщила я Гошке, останавливая машину.

– Угу, – откликнулся напарник.

Я вышла из «москвича», взбежала по широким ступеням и обернулась к Гошке, который уже выбрался из машины, но за мной не торопился.

– Ты что стоишь?

– Тобой любуюсь. Столько воодушевления, я бы даже сказал, энтузиазма... – Гошка зевнул и наконец сделал шаг к крыльцу.

– Разве это плохо? – Я зачем-то погладила облицованную мелкой сиреневой плиткой колонну.

– Кто сказал, что плохо? Наоборот. Я таким же был... давно, в ранней юности.

– Можно подумать! – Дождавшись, пока он поднимется ко мне, я легонько толкнула Гошку в плечо. – Ты всего на восемь лет старше меня, ветеран!

– На целых восемь лет! – уточнил напарник, назидательно подняв вверх указательный палец. – Ты в свой пединститут только поступать собиралась, а я уже опером был. Правда, надо признать, – он ухмыльнулся, – таким же восторженным опером. Ладно, пошли, вдруг действительно удастся что-то дельное узнать?

В отличие от Гошки, я не сомневалась, что нам удастся разузнать «что-то дельное». Времени достаточно – и с людьми поговорить успеем, и, возможно, выводы сделаем, которые потом помогут нам в задушевной беседе с клиенткой. Увы. Мой более опытный старший товарищ, как всегда, оказался прав в своем скептицизме.

Хотя поначалу встретили нас весьма любезно: едва мы переступили порог не слишком просторного операционного зала, нам навстречу вспорхнула блондинка в узкой темно-синей юбке и белой блузке, с галстучком, сделанным из той же ткани, что и юбка. На кармашке блузки красовался беджик «Елена». Сияя улыбкой, Елена предложила нам оформить кредит на беспрецедентно выгодных условиях, практически без процентов, чуть ли не в убыток банку. Девушка была очень мила, и Гошка слушал ее щебет с явным удовольствием, поэтому отказываться от кредита пришлось мне. Барышня, повторяю, была очень мила, но показалась мне похожей на робота, настроенного на одну-единственную функцию. Как только Елена поняла, что кредит нас не интересует, она, не обращая внимания на мои попытки объяснить, зачем мы пришли, очень ловко переправила нас к другой девушке – тоже блондинке и тоже в фирменном костюме: юбка-блузка-галстук.

Эта блондинка, беджик которой сообщал, что ее зовут Анастасия, точно так же, не слушая меня, исполнила арию на тему: «Как я счастлива, что вы решили заказать в нашем банке кредитную пластиковую карту!» Гошка откровенно наслаждался. После того как я наступила напарнику на ногу и ткнула кулаком в бок, он прервал девушку. Не сразу, но нам удалось довести до сознания Анастасии, что кредитные карты нам тоже не нужны.

– Так вы коммунальные услуги оплатить! Тогда вам туда, в окошко. – Скрывая разочарование, она махнула в сторону брюнетки, призывно улыбающейся нам из упомянутого окошка. Нам была видна только белая блузка и галстук, но я не сомневалась, что скрытая барьером юбка была строгого темно-синего цвета. – Очень правильный выбор, у нас минимальные комиссионные.

Чуть громче, чем требовалось, я сообщила, что мы не собираемся ничего оплачивать и пришли совершенно по другому вопросу.

– Мы хотели бы поговорить...

– Одну минуточку! – перебила меня брюнетка. – Буквально одну секундочку подождите!

– Чего подождать? – Даже Гошка немного растерялся. – Нам всего-то и нужно...

– Поговорить, – закончила за него очередная, третья по счету, блондинка. Она была заметно старше девушек, с которыми мы успели пообщаться, но узкая темно-синяя юбка и белая блузка сидели на ней идеально. А вот строгий галстук уступил место легкому шейному платочку, впрочем, того же темно-синего цвета. К кармашку блузки был приколот беджик «Мария». – Я с радостью отвечу на все ваши вопросы. Что вас интересует?

– Нас интересует одна из сотрудниц вашего банка, Наталья Денисовна Перевозчикова.

– Ах вот как. – Голубые глаза нашей собеседницы заметно похолодели. – Журналисты?

– Ни в коем случае! – Гошка широко улыбнулся и достал из кармана удостоверение.

Я последовала его примеру.

Мария тщательно изучила оба документа, даже сверила номер лицензии.

– Значит, вы детективы. – Судя по тону, частные сыщики в ее классификации стояли гораздо ниже журналистов. – Давайте пройдем в другую комнату. Здесь мы мешаем работать.

Объяснение выглядело неубедительно – ни одного клиента в операционном зале не было (не считать же клиентами нас), но мы не стали спорить. Послушно прошли за Марией через узкий коридор, вошли в небольшую, скупо обставленную – два стола и четыре стула – комнату.

– Присаживайтесь. – Она указала нам на стулья.

– После вас. – Гоша слегка поклонился и любезно выдвинул один из стульев.

– По должности я не имею права вести подобные беседы. Подождите несколько минут, я приглашу сотрудника нашей службы безопасности.

– А если не по должности? – снова улыбнулся напарник. – Просто как человек вы можете нам что-нибудь рассказать о Перевозчиковой?

Я не была с ней знакома, – сухо ответила Мария и вышла.

– Не катит, – огорченно констатировал Гошка и плюхнулся на отвергнутый дамой стул.

– Что теперь делать будем? – спросила я.

– Сидеть и ждать. – Он похлопал ладонью по соседнему сиденью.

Я послушно села, положила ногу на ногу и посмотрела на часы:

– Интересно, долго она будет эту свою службу безопасности искать? Нам в два часа у Перевозчиковой надо быть.

Гошка тоже лениво взглянул на часы и расстегнул куртку:

– Успеем. Долгих бесед у нас тут все равно не будет. В лучшем случае минут через пять придет очень любезный дяденька, выяснит, что и почему нам нужно узнать, выслушает все, что мы захотим рассказать, и выпроводит нас, пообещав, что позвонит завтра.

– А в худшем?

– Тогда через пять минут придет совсем не любезный дядя и выпроводит нас, ничего не спрашивая и ничего не обещая.

Это был один из тех редких случаев, когда мой напарник ошибся. Нам пришлось ждать не пять, а целых десять минут, прежде чем в комнату зашел высокий хмурый мужчина. Но, несмотря на нелюбезный вид, он не стал немедленно нас выпроваживать, а придвинул один из стульев к столу и сел. Впрочем, задушевной беседы, дающей начало нежной дружбе, у нас не получилось.

– Вячеслав Николаевич, – коротко представился мужчина.

– Маргарита. – Я мило улыбнулась.

– Георгий. Агентство «Шиповник», – деловито завершил процедуру знакомства Гоша.

– Значит, частные детективы. – Вячеслав Николаевич смотрел на нас равнодушно. – С чем пожаловали?

Гоша бросил на меня короткий взгляд и почесал ухо. Понятно. Напарник хочет, чтобы разговор вела я, а он понаблюдает за суровым представителем службы безопасности банка.

– Очень приятно, Вячеслав Николаевич. – Я снова расплылась в самой обаятельной, какую только смогла изобразить, улыбке. – Нас интересует сотрудница банка Наталья Денисовна Перевозчикова, точнее, бывшая сотрудница – она умерла на прошлой неделе. Мы сейчас занимаемся обстоятельствами смерти Натальи Денисовны, и, естественно, хотелось бы знать, что она была за человек. Поговорить о ней с друзьями, с сотрудниками, с ее начальством...

– Это невозможно. Беседы с сотрудниками банка в рабочее время не предусмотрены служебными инструкциями.

– Мы понимаем, трудовая дисциплина – это важно. – Я добавила в голос сахарного сиропа. – Для нормальной работы это даже необходимо, но вы ведь можете сделать для нас исключение? Случай-то неординарный.

– Ничем не могу вам помочь.

Гранитная скала, а не человек! Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

– Хорошо, тогда проводите нас, пожалуйста, к Олегу Борисовичу Перевозчикову. Я уверена, что он не откажется с нами встретиться.

– Это невозможно. – Сотрудник службы безопасности подумал немного и недовольно (очевидно, ему не хотелось делиться с нами даже такими крохами информации) пояснил: – Олег Борисович взял отпуск за свой счет. По семейным обстоятельствам.

– Конечно, такое горе у человека. – Я сочувственно покивала и внесла новое предложение: – Но кого-нибудь из кредитного отдела можно пригласить? Одного человека – это же рабочий ритм не нарушит, правда?

– Это невозможно, – строго повторил Вячеслав Николаевич. – Никаких разговоров, никаких переговоров. Банк – учреждение серьезное.

– Так и мы не о пустяках болтать собираемся. – Я позволила себе обидеться, причем искренне. – В конце концов, погибла ваша сотрудница, и мы хотим выяснить, как это случилось. И знаете, что я вам скажу? Служба безопасности банка не меньше нас заинтересована в том, чтобы установить истину.

– Да, погибла наша сотрудница. – Мои чувства оставили Вячеслава Николаевича равнодушным. – Но мы уже провели расследование и сделали выводы.

– Какие? – восторженно спросила я. Гошка тоже слегка шевельнулся, впервые с начала разговора.

– Смерть Перевозчиковой не имеет отношения к безопасности банка.

– То есть вы не дадите нам возможности поговорить с сотрудниками?

– Я? Я такие вопросы не решаю. Доложу руководству, а уж там подумают. Если решат, что в вашем расследовании есть смысл, – вам позвонят, пригласят. А если нет, – он развел руками, – извините.

– И долго они будут думать? – Я даже не пыталась скрыть огорчение. – Впрочем, я понимаю, вопрос не по адресу. Пожалуйста, вот, здесь наши телефоны.

Он взял визитную карточку и не глядя сунул в карман:

– Я провожу вас к выходу.

– А вы сами? – Я вспомнила вопрос, который Гошка задал Марии, и повторила его: – Вы как человек можете нам что-нибудь о Перевозчиковой рассказать?

Вячеслав Николаевич, даже на секунду не задумавшись, отчеканил:

– С точки зрения безопасности банка она никаких проблем не представляла. А ее личная жизнь меня не касается.

– Понятно. А про ее мужа?

– Олег Борисович очень уважаемый человек.

– И его личная жизнь... – Я не договорила.

Вячеслав Николаевич кивнул:

– Меня совершенно не касается. Именно так.

– Только время зря потеряли, – недовольно ворчала я, устроившись в машине. – Обсудят они, видите ли, потом решат – то ли позвонят, то ли нет! Гошка, а ведь они могут своим сотрудникам запретить с нами разговаривать! В смысле, не только в банке, но и вообще. Пригрозят увольнением, ни одна из здешних барышень даже рта не раскроет!

– Легко, – согласился Гошка.

– А что же делать?

– Придумаем что-нибудь. Сама слышала, муж покойной здесь – уважаемый человек. Значит, если он руководство банка попросит нам помочь, уважаемому человеку пойдут навстречу.

– Находим Перевозчикова, намекаем, что безвременная гибель его супруги вызывает у нас самые нехорошие подозрения на его счет, сначала пугаем до икоты, потом обнадеживаем – дескать, сами не верим, что такой приятный человек может быть замешан в злодейском убийстве, и обещаем вывести с его репутации самые мелкие пятна. А взамен просим сущий пустячок – содействие в расследовании. Так?

– Умница. – Гошка взглянул на часы. – Слушай, Ритка, раз уж так получилось, мы можем себе ранний обеденный перерыв устроить. Я тут неподалеку одну кафешку знаю – вполне достойное заведение. Посетим?

– Почему бы и нет. – Я завела мотор. – В какую сторону ехать?

Заведение действительно оказалось достойным – порции большими, а цены разумными, – время до встречи с Елизаветой Петровной мы провели, можно сказать, с пользой. А без десяти два поднялись на широкое крыльцо здания областной администрации. Фейсконтроль, бюро пропусков и переговоры с секретаршей не заняли много времени – ровно в два мы открыли дверь кабинета Перевозчиковой.

– Вы? – немного удивилась она, поднимая голову от бумаг. – Что, уже два часа?

Вместо ответа, Гошка указал на большие настенные часы.

– Вы точны. – Елизавета Петровна не хвалила, а констатировала факт. – Одну минутку. – Она нажала кнопку селектора и попросила: – Аня, кофе, пожалуйста. – Распорядившись, Перевозчикова сложила бумаги в папку и встала. – Я думаю, нам будет удобнее здесь.

В просторной комнате кроме большого рабочего стола имелся круглый низкий столик, окруженный мягкими креслами. К этому «уголку отдыха» и подвела нас Елизавета Петровна:

– Присаживайтесь. Сейчас нам Аня кофе... А вот и она!

В кабинет вплыла секретарша – пухленькая брюнетка моего возраста, без усилия удерживающая на симпатичном округлом личике холодно-равнодушное выражение. Когда я увидела эту Аню в приемной, я подумала, что она старательно копирует ледяную маску своей начальницы. Но почему-то холодность, которая делала красивое лицо Елизаветы Петровны еще более эффектным, не просто портила, а совершенно уничтожала скромную миловидность секретарши.

С ловкостью вышколенной официантки девушка расстелила на столике салфетки и поставила поднос: чашки с кофе, сахарница, вазочка с печеньем. Мы тем временем устроились в мягких креслах, обмениваясь мелкими, ничего не значащими замечаниями. Ждали, пока Аня выйдет.

Наконец дверь за секретаршей закрылась. Елизавета Петровна потерла виски:

– Вы пейте кофе, кофе у нас хороший. И начинайте... задавайте свои вопросы.

Поскольку Гошка уже всю хрустел печеньем, я поняла, что разговор снова начинать мне.

– Прежде всего мы хотели бы знать о ваших взаимоотношениях с мужем... – Я взяла чашку, сделала маленький глоток и уточнила: – Точнее, с бывшим мужем и его женой.

Да, я помню, что клиентка первым делом заявила: несмотря на развод, у нее не было оснований травить Перевозчикову номер два. И как клиентке я ей, разумеется, доверяю. Но как сыщик я обязана выяснить и о самой Елизавете Петровне, и об остальных действующих лицах как можно больше.

– Никаких взаимоотношений не было. – Елизавета Петровна положила в чашку сахар и поболтала ложечкой. – С тех пор как муж ушел от меня, я не встречаюсь с ним, не вижу в этом необходимости. Тем более у меня не было никакого желания общаться с этой женщиной.

– Хорошо, не нужно о взаимоотношениях. – У шефа я научилась добиваться своего кроткой вежливостью. – Просто расскажите – о себе, о вашем муже и о его новой жене. Как все началось?

– Ученые говорят, что все началось с «большого взрыва», – неожиданно усмехнулась Елизавета Петровна. – После него появилась наша планета. Об этом рассказывать?

Надо же! А я думала, что у женщины с таким лицом и манерами не может быть чувства юмора. Очко в пользу клиентки!

– Думаю, что возвращаться так далеко нет необходимости. – Гошка тоже посмотрел на Перевозчикову с симпатией. – Расскажите только о том, что нас касается.

– Хорошо. На самом деле история не длинная и не слишком увлекательная. Мы с Олегом поженились сразу после института. Это теперь молодежь не торопится, все хотят встать сначала на ноги, пожить для себя, еще какие-то отговорки придумывают. Как будто семья и дети – это не для себя, а для чужого дяди. А мы поженились, когда были молодыми специалистами, и двух дочерей вырастили, и карьеру сделали.

– Вы дружно жили?

– Наверное. – Она на мгновение прикрыла глаза. – Сейчас я уже не знаю. Мы всегда были очень заняты на работе, но и дома нам было не скучно друг с другом. Вообще-то нас считали образцовой семьей. Мы старались быть вместе, понимаете? Конечно, когда девочки повыходили замуж, дома стало немного пусто, но это естественный ход жизни. Жаль, конечно, что они живут далеко – старшая сейчас в Калининграде, а младшая – в Новосибирске. Между делом в гости не заглянешь. Зато больше времени на работу стало оставаться. Результат – сами видите. Я занимаю серьезную должность в администрации, Олег Борисович тоже сделал достойную карьеру. Несколько лет назад его пригласили работать в один из крупнейших городских банков, в «Аметист». Сначала на должность начальника отдела ценных бумаг, а сейчас он уже в совете директоров.

Елизавета Петровна взяла свой кофе, отпила сразу половину и вернула чашку на поднос.

– Теперь даже смешно вспоминать, – продолжила она без малейших признаков веселья, – как мы радовались тогда его переходу в банк. Кто же знал, что так получится. Эта женщина работала мелким клерком, чуть ли не операционистом. Не знаю, как там все у них началось и сколько времени продолжалось – подробностями я не интересовалась. Служебные романы у меня никогда интереса не вызывали. Скорее у меня к ним что-то такое... – Елизавета Петровна пошевелила пальцами, словно пытаясь на ощупь подобрать подходящее слово. – Что-то вроде брезгливости. Непорядочно это, и по отношению к семье, и вообще. А уж когда меня самой коснулось... Короче, после развода мы с мужем не встречались и жизнью его я не интересовалась. Этот этап для меня закончен, а я не привыкла оглядываться на то, что прошло. Вы меня понимаете?

– Понимаю. – Я действительно понимала ее. – Очевидно, вы были очень удивлены, когда Наташа Перевозчикова пришла к вам.

– Не просто удивлена, я была шокирована. Явилась ко мне, да еще с бутылкой, – о чем она думала?

– Вот с этого момента поподробнее. Припомните, пожалуйста, как все было. Начиная с того, в котором часу она пришла.

– Около семи, точнее не могу сказать. Новости, по крайней мере, еще не начались.

– А что вы делали в тот вечер?

– Работала, разумеется. Мы сейчас готовим проект поправок к Земельному кодексу, и нужно изучить много документов. Я постоянно беру работу на дом.

– Понятно. Значит, вы занимались бумагами, когда в дверь позвонили. И что было дальше?

– Естественно, я открыла дверь. Сначала я подумала, что кто-то дверью ошибся – она с порога бутылку вперед выставила. А потом заявила, что нам необходимо выяснить отношения, и я решила, что это соседка снизу – может, я залила ее случайно. Правда, бутылка меня

смutila – непонятно, к чему она в таком случае. А когда поняла, кто пожаловал... разумеется, я ее дальше порога не пустила. Сказала, что мне не о чем с ней разговаривать.

– Почему? Наталья Денисовна ведь к вам с мирными намерениями пришла. С бутылкой.

– Если у меня появится желание выпить, я найду себе более подходящую компанию, чем эта... – Елизавета Петровна встала и подошла к окну. Несколько секунд смотрела на заснеженную улицу, потом повернулась к нам: – А что вы хотите? Это в кино очень любят показывать, как две женщины одного мужчины вместе водку пьют и песни поют. А в жизни так не бывает. Я, по крайней мере, не испытываю никакого желания ни пить с ней, ни петь, ни разговаривать. – Она сделала короткую паузу, потом уточнила: – Не испытывала. И то, что она умерла, ничего не меняет, совершенно.

Я смотрела на Елизавету Петровну и верила ей. Дело даже не в том, что она не была похожа на отравительницу. Нет у них, у отравителей, особых примет, можете мне поверить на слово. Мне приходилось встречаться с любителями подсыпать людям всякую пакость, однажды меня саму очень милый молодой человек чуть на тот свет не отправил. Чисто технически госпожа Перевозчикова могла женщину, которая ее семью разрушила, мышьяком накормить и никаких угрызений совести после этого не испытывать. Но есть логика человеческого поведения. И эта логика говорит, что выгнать назойливую гостью за порог – действие для нашей клиентки вполне естественное. А вот поверить, что Елизавета Петровна села с новой женой своего мужа за стол, что по душам с ней разговаривала и джин пила, – этого я не могу.

Гошка незаметно пнул меня под столом ногой, больно попав по щиколотке: дескать, о чем задумалась? Работать надо!

– Гм. – Я неловко кашлянула. – Насколько я понимаю, разговор ваш был недолгим.

– Минуты две. Ровно на две минуты дольше, чем мне хотелось бы. Эта женщина почему-то никак не могла понять, что я не собираюсь с ней общаться. В результате я просто захлопнула дверь перед ее носом.

– И как она к этому отнеслась? Обиделась?

– Ну-у... – Елизавета Петровна заколебалась на мгновение, но ответила честно: – Я думаю, ей это не понравилось. Она еще немного потопталась под дверью, стучала, кричала что-то, но я не стала подходить. И больше я ее не видела. А через два дня ко мне пришел следователь. – Елизавета Петровна вернулась к столу и снова села в кресло. – Оказывается, от меня она пошла к подруге. И этой подруге рассказала, что была у меня, что мы разговаривали и пили джин.

– То есть она соврала. – Гоша поднял брови. – Зачем?

– Откуда я знаю? – Елизавета Петровна взяла чашку и заглянула в нее, словно надеялась прочесть там ответ. – Может, не хотела признаваться, что я ее выгнала, вот и придумала целую историю.

– А что конкретно Наталья Денисовна сказала подруге?

– Конкретно – не знаю. Следователь мне никаких подробностей не сообщал. – Перевозчикова одним большим глотком допила кофе и теперь так же старательно рассматривала пустую чашку. – Сказал только, что это было отравление мышьяком.

– Вы упоминали о самоубийстве. Вы считаете такую версию вероятной?

Елизавета Петровна задумалась, потом покачала головой:

– Ничего не могу сказать. Я же ее не знаю совсем. На первый взгляд нормальная женщина, но согласитесь, сама идея прийти ко мне с бутылкой выглядит странно. Нет, лучше вам на эту тему с Олегом Борисовичем поговорить.

– Он согласится нам помочь? – Почему-то мне очень мешала чашка, которую Перевозчикова продолжала вертеть в руках. – Я поняла, что вы со своим супругом после развода находитесь не в самых добрых отношениях.

– Что считать добрыми отношениями? Мы прожили вместе больше тридцати лет, но он предпочел мне другую женщину... я даже не буду говорить о ее качествах, просто – другую. Как я могу к этому отнестись? Вычеркнуть его из своей жизни, забыть о его существовании – по-моему, это самое доброе, что я могу сделать в подобной ситуации.

– Гм, – деликатно вступил Гоша, – но вы уверены, что он не разделяет точку зрения ми... полиции?

– Глупости. – Елизавета Петровна нервно дернула плечом. – Олег Борисович разумный человек. Он прекрасно понимает ситуацию и уже передал мне через старшую дочь, что я могу рассчитывать на всяческую поддержку с его стороны.

Мы с напарником переглянулись. Елизавета Петровна, по ее же словам, вычеркнула мужа из своей жизни, не общается с ним и не интересуется его делами, так? Но при этом она полностью ему доверяет и уверена, что может рассчитывать на его помощь даже в такой, прямо скажем, скользкой ситуации. Интересные взаимоотношения, правда?

– Жаль, конечно, что вы одна дома были. – Гоша взял из вазочки очередное печенье. – Нам бы сейчас хоть какого-нибудь свидетеля...

– Жаль, – равнодушно согласилась Елизавета Петровна. – Но я не любительница светской жизни, и гости у меня редко бывают. Главное, именно в тот день Семен Евгеньевич заходил, что бы ему на час раньше прийти!

– А Семен Евгеньевич – это, простите, кто? – встрепенулась я.

– Друг дома.

Хороший ответ. Короткий, четкий и абсолютно ничего не проясняющий. Придется проявить настойчивость.

– Простите, – повторила я, – но друг дома – это как-то расплывчато. Нельзя ли немного уточнить? Семен Евгеньевич – это друг вашего бывшего мужа или ваш?

– Мой. – Елизавета Петровна наконец поставила чашку на стол и неохотно добавила: – Он в меня влюблен... немного.

Не знаю, как Гошка, а я ничего подобного не ожидала. Влюбиться в это воплощенное равнодушие? В Женщину-Чиновника – именно так, с большой буквы! Может, это случилось много лет назад, когда Елизавета Петровна еще не была столь... монументальна?

– И давно он в вас влюблен? – ляпнула я.

Вообще-то чемпион по бестактности у нас Гошка, но иногда, как видите, я выдаю перлы не хуже. Впрочем, Елизавета Петровна не посчитала нужным обращать внимание на мое неуместное нахальство.

– Всю жизнь, – равнодушно ответила она. – Но не надо принимать это всерьез. Семен артист, он играл-играл, вот и заигрался. В любом случае он ко всей этой истории отношения не имеет. Я же говорю, что он пришел почти через час после того, как эта женщина покинула мой дом.

Я подумала, что неожиданно всплывший Семен Евгеньевич вряд ли окажется ценным свидетелем. Но поговорить с ним все равно нужно: не пропускать ни одного человека, имеющего отношение к делу, – первая заповедь частного сыщика, которую вдолбил мне любимый шеф.

– Тем не менее мы хотели бы с ним встретиться, если вы не возражаете, – бархатным голосом попросил Гоша. Он явно рассуждал так же, как и я.

– Это несложно. Думаю, Семен будет даже рад, его очень угнетает эта ситуация и собственное бездействие. Хотя вряд ли от вашей беседы будет какой-то толк, он действительно ничего не знает.

Перевозчикова встала, подошла к рабочему столу, написала на листе бумаги несколько строк и вернулась к нам.

– Вот, Семен Евгеньевич Ставровский, его адрес и телефон. Звонить лучше после девяти вечера. С утра, до работы, говорить с ним не советую, он ярко выраженная сова и до полудня очень плохо соображает. А днем Семен ставит телефон на виброзвонок и забывает в кармане пальто. Самый надежный способ поговорить с Семеном – это прийти к нему домой. Но раньше девяти ехать к нему нет смысла.

– Понятно. – Я обреченно сделала пометку в блокноте. Если только после девяти мы этого товарища дома застанем, да хоть часок с ним поговорим, да дорога до дома... в задачке спрашивается, когда же я сама домой вернусь? Ответ неутешительный.

– Только имейте в виду, когда будете с Семеном Евгеньевичем разговаривать, вы... не знаю, как точнее выразиться, постарайтесь учесть его артистический темперамент. Так сказать, делите на четырнадцать все, что он будет говорить. Семен – творческая натура и очень мне предан, а в результате он может довольно убедительно развивать самые безумные версии.

– Например? – заинтересовался Гоша.

– Ох, да все его версии одна другой нелепей. Но он обязательно заявит вам, что во всем виноват Олег Борисович. Понимаете, Семен очень тяжело пережил мой развод, он был оскорблен до глубины души, и Олег Борисович сейчас для него что-то вроде средоточия мирового зла.

– Мир был бы лучше, если бы в нем было меньше Олегов Борисовичей. – Мне удалось сказать это именно с той долей понимания и сочувствия, которая в этот момент требовалась, и Елизавета Петровна ответила мне почти с симпатией:

– Именно так. Семен довольно восторженно относится к миру и очень заботится о его красоте и благополучии. И все, что нарушает гармонию, как он ее себе представляет, является для него личным оскорблением. А уж наш развод – это со стороны Олега Борисовича уже не проступок, а преступление. Впрочем, хватит о нем. Семен очень милый человек, но к этому делу отношения не имеет, и все разговоры с ним или о нем – бесполезная трата времени. У вас есть ко мне еще какие-то вопросы?

– Сейчас нет, – немного подумав, ответил Гоша. – Разве что позже, в ходе работы появятся. Рита, а у тебя?

– Вопросов у меня тоже нет, но я хотела попросить разрешения поговорить с вашей секретаршей.

– С Аней? – На мгновение Елизавета Петровна позволила искреннему удивлению пробиться сквозь маску деловой женщины. – Но о чем с ней говорить? Она ни Олега Борисовича, ни его жену не знает, да и вообще понятия не имеет о том, что происходит! Я всю эту историю с убийством не афишировала, а у следователя хватило деликатности не вызывать меня повесткой, а приглашать по телефону.

– Извините, Елизавета Петровна, – мягко возразил Гоша, – но мы уверены, что ваша секретарша вполне в курсе всех этих неприятных дел. И для этого вам совершенно не обязательно было что-нибудь ей рассказывать. Город у нас небольшой, а круги по воде сами знаете как расходятся.

– Круги по воде, говорите? Может, вы и правы, хотя все равно странно.

Перевозчикова снова подошла к столу и нажала кнопку селектора:

– Аня, зайдите, пожалуйста.

Через мгновение дверь открылась. Не обращая внимания на нас, секретарша прошла до середины просторного кабинета и остановилась. Во взгляде, направленном на Елизавету Петровну, не было ни вопроса, ни угодливости, ни волнения. Только спокойная уверенность и ожидание указаний.

– Аня, это Георгий и Маргарита, сотрудники детективного агентства, – деловито представила нас Перевозчикова.

Секретарша слегка повернула голову в нашу сторону и молча кивнула – приняла информацию к сведению.

– Дело в том, что я сейчас нахожусь в щекотливом положении. Недавно умерла одна женщина, – Елизавета Петровна сделала крошечную паузу, прежде чем выговорить, – жена моего бывшего мужа. В связи с этим у полиции возник повышенный интерес к моей персоне.

– Я знаю, – спокойно ответила Аня. – Следователь вызывал меня.

– Вызывал? – Перевозчикова на секунду замерла, оценивая неожиданную новость. – Когда? Вы мне ничего не говорили.

– Три дня назад. Сначала я хотела вам сообщить, а потом решила не тревожить. Разговор-то был бестолковый.

– В каком смысле бестолковый? – заинтересовался Гоша.

Секретарша сначала посмотрела на Елизавету Петровну, дождалась разрешающего кивка и только потом ответила:

– У меня создалось впечатление, что следователь не совсем представлял себе, что он хочет узнать. В результате он удовлетворился моими заверениями, что Наталья Денисовна Перевозчикова в этом кабинете никогда не появлялась и по телефону у нее с Елизаветой Петровной не соединяла.

– Что ж, оказывается, я тоже иногда ошибаюсь. – Перевозчикова вымученно улыбнулась. – Для сотрудников мои проблемы тайной не являются. Вы, Аня, насколько я понимаю, не единственная, с кем следователь посчитал нужным побеседовать?

– Я думаю, да, – уравновешенно согласилась девушка.

– Ну что ж, – повторила Елизавета Петровна. – Раз вы уже поговорили со следователем, почему бы вам не поговорить с частными детективами? Может, разговор с ними окажется менее бестолковым.

– Прямо сейчас? – бесстрастно уточнила Аня.

– Это ведь в моих интересах. – Перевозчикова вернулась за свой рабочий стол, переложила с места на место несколько тонких папок. – Пойдите куда-нибудь в спокойное место... И сегодня можете на работу не возвращаться.

Аня привела нас в маленькое тихое кафе недалеко от здания областной администрации. Место было уютное, словно специально созданное для бесед со свидетелями.

– Ну что, еще по кофейку? – бодро спросил Гоша, когда мы устроились за столиком, и открыл тонкую папку меню. – Однако, выбор тут у них... Аня, вы что предпочитаете?

Он повернул к ней папку, но девушка небрежно отмахнулась:

– Мне капучино, пожалуйста. И миндальное пирожное. – Она перевела взгляд на меня и пояснила: – Здесь делают самые лучшие миндальные пирожные в городе.

– Понятно. Гоша, мне тоже миндальное пирожное. А кофе не хочу, закажи стакан сока, апельсинового.

– Значит, три миндальных пирожных, два капучино и один апельсиновый сок. – Гоша позвал официантку и сделал заказ. После этого он огляделся по сторонам и улыбнулся Ане: – Действительно, очень приятное место. Вы часто здесь бываете?

– Это уже допрос или пока так, преамбула? – сдержанно спросила она.

– Ну какой допрос, о чем вы! Мы и права такого не имеем допрашивать, мы же не государственные служащие. В принципе вы можете послать нас к черту, встать и уйти. – Гоша замолчал, потому что к столику снова подошла официантка, на сей раз с подносом. Распределив кофе, сок и пирожные, она удалилась, и напарник продолжил: – Но мы сейчас

действуем в интересах Елизаветы Петровны, поэтому очень рассчитываем на вашу помощь. Или напрасно рассчитываем? Какие у вас отношения?

– Нормальные деловые отношения.

Я еле заметно поморщилась. «У нас нормальные деловые отношения» – именно так Гошка ответил, когда я попыталась выяснить, в чем суть разногласий между ним и Сухаревым. Если у Елизаветы Петровны с Аней такие же отношения, как у этой пары, то мы еще намучаемся! Хотя нет, они ведь только что, в моем присутствии, разговаривали. Без особого сердечного тепла, правда, но сердечность и не обязательна между чиновницей и ее секретаршей, так ведь? Судя по всему, у этих женщин действительно деловые отношения. Нормальные. Хм.

У Гошки, в отличие от меня, никаких неприятных ассоциаций не возникло.

– Вот и хорошо! – жизнерадостно объявил он. – Значит, у вас беспристрастный взгляд. А знаете, Анечка, вы ведь действительно можете нам помочь. Мы с Елизаветой Петровной только познакомились, а вы работаете вместе уже сколько?..

– Около четырех лет. – Аня сделала большой глоток кофе и отправила в рот крохотный кусочек миндального пирожного. Очень, кстати, разумно: кофе было много, а пирожные оказались маленькими. Не пирожные, а так, печеньица – каждое можно целиком за щеку сунуть. Но вкусны-ы-е! Действительно, самые лучшие в городе. Впрочем, я отвлеклась.

– За четыре года о человеке многое узнать можно.

– Только не о Елизавете Петровне, – поджала губы Аня. – Она не любит пустой болтовни, и мы общаемся исключительно по рабочим вопросам.

– Но ведь общаетесь же. Скажите, вам Елизавета Петровна как начальник нравится? Легко с ней работать?

– Работать, – выразительно повторила Аня, – легко. Вот бездельникам, им тяжело приходится. Елизавета Петровна человек дисциплинированный и от других порядка требует. А если кто обещает и не выполняет или опаздывает повсюду, тогда, конечно, она с работы выгонит, как бы ее ни просили.

– Что, были такие случаи? – сразу насторожился Гошка.

– А вы как думаете? В прошлом году Гришу Арефьева уволила. Кстати, это не так просто было, за него многие заступались, но Елизавета Петровна сумела на своем настоять.

И за что она этого Гришу уволила?

– За дело, разумеется. Точнее, за безделье. – Аня еле заметно улыбнулась. – Ему вообще ничего нельзя было поручить, даже письмо заказное отправить! «Да-да-да, считайте, что все уже сделано!» – передразнила она. – А сам побежит по своим делам и все забудет или, того хуже, перепутает. Ну и зачем держать такого, скажите, пожалуйста? Он, конечно, очень славный, с ним весело всегда было, но как от работника – только суета и неразбериха. Я вздохнула свободно, когда его уволили...

Аня внезапно замолчала, только сейчас обратив внимание на блокнот в моих руках.

– Вы что, и про Гришу записываете? Зачем? Он к вашему делу уж точно никакого отношения не имеет.

– Если не имеет, то мы его и не побеспокоим, – пообещал Гоша. – Но вы себе не представляете, Аня, как часто человек, казалось бы никакого отношения к проблемам нашего клиента не имеющий, как раз и является первопричиной этих проблем!

– Но Гриша действительно ни при чем. – Аня явно жалела, что упомянула бывшего сослуживца. – Он, конечно, сердился, когда его уволили, наговорил всякого и Елизавете Петровне нахамил, но это он от расстройства, только в первый момент! А потом Гриша даже благодарить ее приходил. Он сейчас такую хорошую работу нашел, представителем по связям с общественностью в совместной фирме, российско-итальянской, там и деньги, и поездки заграничные – с нашей жизнью не сравнить! Он Елизавете Петровне духи подарил фран-

цузские и коробку конфет из дьюти-фри... Нет, Гриша не мог ей ничего плохого сделать, это точно! Тогда уж лучше Васнецова поищите, Алексея Дмитриевича! Он, правда, по собственному ушел, без скандала, но я-то знаю, чье это было желание! – Судя по всему, Алексей Дмитриевич Васнецов не пользовался симпатией секретарши. – Елизавета Петровна поймала его на махинациях с фондом и сказала, что, если он сам не уволится, она в прокуратуру заявление напишет.

– Что за фонд? – быстро спросил Гоша.

– И что за махинации? – уточнила я.

Аня несколько секунд молчала, потом неохотно ответила:

Я не знаю всех подробностей. Алексей Дмитриевич принимал участие в работе какого-то фонда помощи пенсионерам. Там собирались деньги от благотворителей, и из бюджета губернского тоже немного перечисляли. Ну, сами понимаете, чтобы получить материальную помощь, пенсионерам нужно было документы собрать: в смысле, если деньги на лечение нужны – то справку от врача, если на установку телефона – то бумаги из телефонной компании. Хотя никто эти документы не проверял, разве что уж совсем наглуую липу отсеивали. И естественно, ничего не хранили – кому она нужна, эта макулатура. Вот Васнецов и договорился с одной женщиной из этого фонда. Алексей Дмитриевич находил пенсионеров, таких, не слишком щепетильных, которым тысяча рублей лишней не будет.

– Тысяча рублей никому лишней не будет, – заметил Гоша. – Я так понимаю, что с пенсионерами, желающими в афере поучаствовать, проблем не было?

– Никаких. Алексей Дмитриевич выглядит очень солидно и тоже человек немолодой – он с пенсионерами быстро договаривался. Составлял им бумаги соответствующие и направлял в фонд, к той женщине. Она принимала документы, и в течение недели пенсионер получал пять тысяч. Тысячу забирал себе, а остальное отдавал Алексею Дмитриевичу.

– Нагло, – оценил Гошка. – А почему Елизавета Петровна так мягко с ним поступила? Даже уволиться позволила по собственному желанию?

– Там же все на пенсионерах было завязано. – Сочувствие, прозвучавшее в голосе Ани, было гораздо уместнее и симпатичнее того равнодушного тона, которого она придерживалась в первые минуты знакомства. Вообще, вне стен областной администрации ее лицо и манеры быстро смягчались, из неприступно-секретарских становились обыкновенными, вполне человеческими. – Те, что материальную помощь получали, они, конечно, не имели на это права, – продолжала девушка. – Но и миллионеров среди них не было. Люди ведь эти деньги не на водку тратили – на лекарства, на вещи зимние... Если против Алексея Дмитриевича дело заводить, их всех надо тоже в суд тащить как участников махинации. Да и огласка – Елизавета Петровна не хотела, чтобы ее сотрудник в громком уголовном деле одним из главных действующих лиц оказался. А дело громким получилось бы, не сомневайтесь. У нашего губернатора врагов хватает. Пресса такой вой подняла бы – сотрудник областной администрации уличен в финансовых махинациях с деньгами для неимущих пенсионеров! А кто, интересно, создал ему для этого все условия, не сам ли наш губернатор? А с кем, интересно, этот жулик делился, не с самим ли губернатором? Им же лишь бы грязи намотить побольше, никому ведь не придет в голову просто посчитать: Алексей Дмитриевич с этой женщиной из фонда за месяц не больше двух-трех человек оформляли, не так уж много денег в том фонде. Даже если бы они половину денег высоким покровителям отдавали, сколько это получается? Шесть тысяч рублей в месяц? И что, с такой мелочовкой соваться к губернатору?

– Шесть тысяч – это очень неплохие деньги, – не согласилась я. – Тем более если их платят просто так.

– Разве что для школьного учителя, – презрительно дернула плечом Аня и взяла с блюдечка остаток миндального пирожного.

Я сделала глубокий вдох. Вот, пожалуйста, реформа народного образования в действии! И вот оно, место школьного учителя, в нынешней системе ценностей! Кто такая эта Аня? Всего лишь секретарша при чиновнице областного масштаба, но даже она позволяет себе свысока относиться к людям нужнейшей и благороднейшей профессии! К людям, которые, невзирая на административный пресс и смешные зарплаты, продолжают учить и воспитывать детей, а значит – формировать будущее страны! Ничего, сейчас я прочищу ей мозги, сейчас я выдам краткий курс истории нашей Родины с указанием места в этой истории работников народного образования!

Кто-то пнул меня в щиколотку, попав точно по больному месту. Я охнула и покосилась на Гошку – напарник ответил мне безразличным взглядом и поднес чашку к губам. Понятно. Что ж, он, как всегда, прав: для выступления в защиту угнетенных учителей сейчас не время и не место. Точнее, совсем не время и совсем не место. Я медленно выдохнула, и Гошка одобрительно кивнул. После чего, давая мне время, чтобы окончательно успокоиться, обратился к Ане:

– Как их найти, этих уволенных товарищей, вы можете подсказать?

– Насчет Алексея Дмитриевича я не знаю, мы с ним и по работе-то нечасто встречались, а с тех пор, как он ушел, я его вообще ни разу не видела. Знаю, что у него квартира в центре города, где-то на Гоголя. А про Гришу... – Она замялась, потом спросила, почему-то не у Гошки, а у меня: – У него неприятностей не будет? Понимаете, я не хочу, чтобы у него из-за меня были неприятности.

– О чем вы, Аня! – Я старательно скопировала фирменную Гошину улыбку. – Вы же сами говорите, что Арефьев в этой истории ни при чем. Так какие могут быть неприятности? Мы просто встретимся, убедимся, что к проблемам Елизаветы Петровны он отношения не имеет, и с легким сердцем обо всем забудем!

Аня открыла было рот, но я перебила ее еще до того, как она сказала первое слово:

– А вот поговорить с ним мы обязаны, это уже вопрос профессионализма! В работе детектива есть определенные правила, и мы должны их придерживаться.

– Да я и не спорю. – Аня неохотно открыла сумочку и достала изящную кожаную визитницу. Покопалась в ней и положила на стол ламинированную карточку с фотографией. – Вот. Гриша дал, когда в последний раз заходил. – Она отвела глаза в сторону и добавила, словно оправдываясь: – Он не только мне, он всем такие раздал, кого только встретил. Хвастался, понимаете?

– Понимаю. – Я с интересом разглядывала карточку. – Такой визиткой грех не похвастаться.

Конечно, визитными карточками сейчас никого не удивишь, и заказать себе подобную безделушку – никаких проблем. У меня тоже есть, правда, не личная, а, так сказать, рабочая, за счет фирмы. На простом картонном прямоугольнике, без всяких типографских изысков, напечатано: «Маргарита Рощина, сотрудник детективного агентства «Шиповник», лицензия №...» А на другой стороне – адрес офиса и служебный телефон. Я же сейчас держала в руках чудо-карточку, делающую честь нашей полиграфической промышленности. Или не нашей? В какой фирме господин Арефьев работает, в российско-итальянской? Пожалуй, тут именно итальянская сторона постаралась. Элегантная светло-серебристая поверхность, маленькая, но четкая цветная фотография, изящная вязь золотых буквочек, переливающийся голографический значок в уголке... Я повернула карточку и посмотрела на другую сторону. Все то же самое, только вместо кириллицы – латинский шрифт, не менее затейливый. «Григорий Арефьев» я прочитала легко, а вот со следующей строкой, информирующей о месте работы и должности, не смогла справиться.

– Что это за язык?

– Итальянский, – объяснила Аня. – Гриша на выбор давал, с английским текстом или с итальянским. Я взяла с итальянским, это необычнее. Я ведь Грише звонить не собираюсь и карточку просто так взяла. Как сувенир. Понимаете?

– Чего ж тут не понять, – прежде чем я успела хотя бы кивнуть, грубовато ответил мой напарник, чемпион мира по бестактности. – Раз эта визитка сувенир, значит, нам вы ее не отдадите. Рита, спиши данные.

Аня порозовела, но возражать Гоше, а тем более делать благородные жесты и предлагать мне не трудиться с переписыванием, а просто забрать визитку не стала. И как только я дописала последнюю букву, цапнула карточку со стола.

– Но вы мне обещали, – напомнила она.

– Да не беспокойтесь вы! Рита же сказала, это обычная и достаточно формальная процедура. Ну вот с вами мы говорим, что у вас от этого, неприятности какие-нибудь случились?

– Пока не знаю. – Аня натянуто улыбнулась, пытаясь обратить свои слова в шутку.

– Хорошо, мы действительно еще не закончили разговор. И есть шанс, что я вдруг превращусь в злого Серого Волка и проглочу вас, как Красную Шапочку. – Гошка нахмурился и старательно защелкал зубами. С моей точки зрения, злого волка он изображал не слишком удачно, но Ане понравилось. Она немного расслабилась и хихикнула. А Гоша поторопился закрепить успех: – Вот видите! Кстати, в милиции вы три дня назад побывали, и там с вами тоже побеседовали, а где неприятности? Евгений Васильевич, наверное, вам те же вопросы задавал, что и мы?

– Ой, этот ваш Евгений Васильевич! – отмахнулась Аня. – Он почти ничего и не спрашивал, он сам говорил и хотел, чтобы я его слова подтвердила. Дескать, ничего удивительного, если Елизавета Петровна эту женщину, жену ее бывшего мужа, действительно отравила. Я ему сразу сказала: не могла она ничего такого сделать, просто по характеру своему – не могла! Я же с Елизаветой Петровной четыре года вот так, – она выставила ладони перед собой и сплела пальцы, – вот так проработала! Она ни в какие разборки вступать не стала бы, побрезговала! Елизавета Петровна бы с этой женщиной и слова не сказала бы, не то что травить! – Забыв про свою сдержанность, Аня забыла и о том, что совсем недавно уверяла нас: о личности своей начальницы она ничего не знает. – Говорю этому следователю, говорю, а толку нет. Он все свое талдычит: «Но при определенных обстоятельствах Перевозчикова могла подсыпать сопернице отравы». Я ему объясняю, что не может быть таких обстоятельств, чтобы Елизавета Петровна за один стол с этой соперницей села, а он снова, как шарманка, одно и то же... И голос такой скрипучий!

– А про недоброжелателей Перевозчиковой он у вас что, не спрашивал? – немного удивилась я. В общем-то я знакома со стилем работы Сухарева и знаю, что он склонен отдавать предпочтение самой простой, сверху лежащей версии. Но раньше он и другими вариантами не пренебрегал. По крайней мере, столь откровенно.

– Ничего он не спрашивал, он хотел, чтобы я на Елизавету Петровну наговорила. А я ему твердила, что Елизавета Петровна ни на какое преступление не способна. Два часа воду в ступе толкли.

– И чем дело кончилось? – Гошка слушал эмоциональный рассказ с нескрываемым удовольствием.

– Да ничем. Я показания свои прочитала – записал он за мной правильно, все как я говорила. Я их подписала и ушла. А что он мог сделать? Сейчас не тридцать седьмой год, чтобы заставлять на честных людей клеветать. А Елизавета Петровна – честный человек.

Когда мы вернулись в офис, Александра Сергеевича еще не было.

– Где же «наше все»? – громко удивился Гошка, заглянув в кабинет. – Неужели до сих пор в управлении?

– Он домой заехал, пообедать, – объяснила Нина. – Скоро будет. Вы, наверное, тоже есть хотите?

– Нет, мы в кафе были. Ты не в курсе, Сан Сергеичу удалось что-нибудь интересное узнать?

– По телефону он мне ничего не сказал. Но обещал вернуться к пяти.

– К пяти? – Гошка выразительно оглянулся на большие электрические часы над дверью. На часах яркими красными огоньками горели цифры 17:01. – Надо понимать, он уже здесь, просто мы его пока не видим.

– Начальство контролируешь? – Баринов вошел в приемную и хмуро осмотрел нас. – Обнахалился ты, братец, вот что я тебе скажу. В следующий раз сам поедешь с Сухаревым разговаривать.

– Что, все так плохо? – Гошка среагировал не на слова, а на интонацию.

– Почему же, все могло быть гораздо хуже. Мы как-никак оптимисты. – Шеф снял пальто, аккуратно повесил на плечики и убрал в шкаф. Потом потер руки, неожиданно улыбнулся и указал в сторону своего кабинета: – Пойдем обменяемся информацией.

Как только все устроились на привычных местах, Александр Сергеевич заговорил:

– Прежде всего привет вам всем большой от Стрешнева. Я с ним в коридоре встретился, перекинулись парой слов.

– Что-нибудь интересное он сказал? – с умеренным любопытством поинтересовался Гоша.

– По нашему делу – ничего. Порадовался, что никаким боком к работе по Перевозчиковой не причастен, и посочувствовал Сухареву. Сказал, что на того давят со всех сторон. Евгений Васильевич не сомневается, что новую супругу своего благоверного отравила Елизавета Петровна, и взял бы ее под стражу еще на прошлой неделе. Но опасается – все-таки дама, приближенная к губернатору. Вот он и ждет указаний от начальства. А начальству тоже неохота с администрацией связываться, они требуют неопровержимых улик, а еще лучше – признания.

– Но пока подозреваемая на свободе, от нее чистосердечное признание фиг получишь, – с полным пониманием сложной ситуации, в которой оказался Сухарев, продолжил Гоша. – Когда человек в камере закрыт, его гораздо легче склонить к добровольному сотрудничеству.

– Сам-то он как насчет сотрудничества? – спросила я. – Согласен поделиться информацией?

– Без особого энтузиазма. Рассказал мне в общих чертах то, что мы уже знали от Перевозчиковой, плюс некоторые детали. – Баринов вынул из кармана два сложенных вчетверо листа бумаги и развернул их. – Значит, так. Подругу, в квартире которой умерла Перевозчикова, зовут Алла Николаевна Брагина, проживает она по адресу: улица Советская, дом шестнадцать, квартира девяносто семь. По показаниям госпожи Брагиной, Наталья Перевозчикова явилась к ней около девяти вечера, точное время Брагина не помнит. Но звонок в службу скорой помощи зафиксирован в двадцать один ноль семь. Скорая прибыла на место в двадцать один двадцать пять. Перевозчикова к этому времени уже находилась в коме, и все реанимационные мероприятия эффекта не дали – врачу оставалось только констатировать смерть. Он же, врач, и вызвал милицию.

Александр Сергеевич положил один листок на стол и быстро проглядел второй.

– Угу, докладываю дальше. Госпожа Брагина, несмотря на то что находилась в глубоком шоке, сразу же заявила, что отравительницей является Елизавета Петровна Перевозчикова, первая супруга мужа погибшей. Ей об этом сообщила сама Наталья Перевозчикова перед смертью. Точного изложения последних слов покойной Сухарев, правда, добиться не смог, в протоколе зафиксированы варианты: «Наташа сказала мне, что ее отравила Елиза-

вета, первая жена ее мужа» и «Наташа сказала, что ей стало плохо, как только она вышла от Елизаветы». А также: «Наташа сразу мне сказала, что это дело рук Елизаветы».

Второй лист лег на стол рядом с первым, и шеф продолжил, уже не глядя в бумаги:

– Кроме того, Евгений Васильевич добавил одну интересную подробность: патологоанатом сообщил, что незадолго до смерти Наталья Перевозчикова пила джин и ела гречневую кашу с гуляшом. Гуляш не простой, а какой-то очень острый, с приправами. И джин, и гуляш вполне годятся для того, чтобы замаскировать огромную дозу мышьяка.

– А доза была огромная? – Гошка, который успел взять со стола листки с заметками Барина, на мгновение отвлекся от их изучения.

– Лошадиная. Даже непонятно, как Перевозчикова до подружки добралась. Патологоанатом утверждает, что смерть наступила не более чем через полчаса после приема пищи.

– Перевозчикова утверждает, что выставила Наташу около семи, – сообщила я. – Еде же тогда она поужинала? Сухарев что говорит?

– Сухарев не верит Елизавете Петровне, – напомнил Александр Сергеевич. – И считает, что ужином Наталью Денисовну угостила именно она.

– Эта дамочка, Наталья Денисовна, могла поесть где угодно. – Гоша аккуратно, по сгибам, сложил листки и вернул их на стол. – До девяти у нее времени достаточно было.

– А Сухарев... – снова заикнулась я.

– Все, что возможно, я из него выжал, – перебил меня шеф. – Где покойная ужинала, нам придется самим выяснять. – Он взял карандаш и начал ритмично постукивать им по столу. – Теперь ваша очередь, докладывайте.

Я послушно раскрыла блокнот. Сначала рассказала о нашем неудачном походе в банк, потом, сверяясь с записями, изложила содержание беседы с Елизаветой Петровной и с ее секретаршей. Гоша слушал, откинувшись на спинку стула, рассеянно кивал и не сделал по ходу моего выступления ни одного замечания или дополнения. Если кто не понял, то объясняю: это весомый комплимент моему умению передавать содержание разговоров близко к тексту.

Когда я закончила, шеф попросил:

– Теперь общее впечатление. Как ты считаешь, могла Перевозчикова отравить Перевозчикову из-за того, что Перевозчиков... тьфу ты! Давайте по именам: покойница у нас будет Наташа, а клиентка – Елизавета Петровна, иначе сплошная путаница получается! Итак, Рита, как ты считаешь, могла Елизавета Петровна отравить Наташу?

– Не рискну утверждать что-то уверенно, – осторожно ответила я. – С одной стороны, убийство на почве ревности, классическое. С другой стороны, с Елизаветой Петровной такой экстрим не очень вяжется. Слишком она суровая женщина. Я верю, что она после развода действительно вычеркнула мужа из своей жизни, такая может.

А что касается ее отношения к Наташе... Я обратила внимание, что Елизавета Петровна за все время нашего разговора ее ни разу по имени не назвала. Только «она», и все.

– Пару раз прозвучало «эта женщина», – поправил меня Гоша. – Но имени, Рита права, ни разу не прозвучало. Хотя, вполне возможно, потому и не прозвучало, что у нашей клиентки рыльце в пушку. Муки совести и прочие тонкости женской психологии.

– Ничего подобного! Ты вспомни, секретарша тоже утверждает, что Елизавета Петровна побрезговала бы отношения выяснять, тем более таким способом. Кстати, о способе – он у меня вызывает сомнение. Отравить человека – это не ножом ударить, это требует подготовки. Получается, что Перевозчикова не только запаслась мышьяком, но и приготовила острый гуляш, который может скрыть привкус этого мышьяка, как будто знала, что Наташа к ней в гости придет. А Елизавета Петровна говорит, что появление Наташи было для нее полной неожиданностью.

– Вот именно, Елизавета Петровна говорит, – подчеркнул Гоша, мгновенно входя в роль «злого следователя». – А как на самом деле было?

– По-моему, она говорит правду. – Я упрямо держалась своей версии. – Наташу она не ждала.

– Допустим, – вдруг согласился напарник. – Допустим, она новую супругу своего мужа действительно не ждала. И что это меняет? Елизавета Петровна могла и не собираться, и не думать ничего плохого, но, когда злая разлучница к ней в дом явилась, не удержалась и воспользовалась случаем.

– А отравы откуда? Это же не соль, не мука, а мышьяк – его в каждом доме не держат. У нас, например, ничего подобного нет. А у вас?

– У меня есть, – извиняющимся тоном сообщила Нина. – В подъезде крысы завелись, просто ужас какой-то. Так что мышьяк наверняка у всех соседей есть.

– У нас тоже мышьяк найдется. – Баринов зачем-то открыл ящик стола и заглянул в него, словно проверяя, не завалился ли в уголке пакетик отравы. – Для дачи держим, чтобы мыши зимой домик не обживали.

– А я точно не скажу. – Гоша задумчиво нахмурился. – Не уверен, что дома есть что-нибудь такое. Но если поискать хорошенько... Вообще-то матушка у меня женщина запасливая.

– Интересно, в доме у Перевозчиковой крысы есть? – задумчиво поинтересовалась Нина, глядя в потолок.

Я только руками развела:

– Если у Елизаветы Петровны были запасы мышьяка, тогда все против нее выстраивается. Алиби нет, мотив есть, возможность – тоже есть. Плюс предсмертное признание Наташи подружке! В такой ситуации непонятно только одно – зачем она к нам пришла? На что надеялась?

– Это как раз ясно, – небрежно отмахнулся Гоша. – Надеялась, что придумаем что-нибудь и отмажем ее. Я другого не понимаю: почему при таких уликах уважаемая Елизавета Петровна по городу разгуливает, а не в СИЗО нары полирует?

– Потому и разгуливает, что уважаемая. Можно сказать, правая рука правой руки нашего губернатора, – напомнила Нина. – Запросто не посадишь, ребятам здорово попыхтеть придется.

– То есть ты, Гоша, считаешь, что клиентка нам врет и это она Наташу мышьяком угостила? – вернулся к основному вопросу Баринов.

– Не, этого я не говорил, – отказался Гоша. – В смысле, не говорил, что Елизавета Петровна врет. Существует, конечно, такая вероятность, но небольшая, процента два из ста. А остальные девяносто восемь за то, что это подстава.

– И что ты предлагаешь?

– Что тут можно предложить? Если Елизавета Петровна говорит правду, то дамочку отравил кто-то другой. С этим другим Наташа встретилась после семи часов, и именно с ним она пила джин и ела гуляш с гречкой. Значит, надо искать свидетелей. Если Наташа ушла от Елизаветы Петровны в семь вечера, а до дома подружки добралась только в девять, где-то же она провела эти два часа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.